

УДК 930

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.52.4.06

Аманжолова Дина Ахметжановна

доктор исторических наук, профессор

Институт российской истории РАН

Москва, Россия

amanzholova19@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1684-2785

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ И ПАРТИИ РОССИИ НАЧАЛА XX В. В ПОСТСОВЕТСКОМ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. Постсоветский историографический ландшафт включает довольно обширные материалы по истории этнополитических движений и национальных партий начала XX в., а ее освещение прямо связано с актуальными задачами современного нациостроительства и формирования маркеров общественного сознания. Это отчетливо проявляется на примере историографии Казахстана и стран Центральной Азии. В статье анализируются особенности интерпретации истории формирования и деятельности этнополитических партий и движений начала XX в. в публикациях историков бывших республик СССР.

Ключевые слова: Россия, этнополитические движения и партии, историография, постсоветское пространство.

Благодарности: исследование выполнено в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности (2023–2025 гг.). Проект «Критический анализ концепта неокOLONиализма применительно к советскому опыту национальной политики и этнокультурного развития».

UDC 930

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.52.4.06

Amanzholova Dina A.

Doctor of Historical Sciences, Professor

The Institute of Russian History

of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

amanzholova19@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1684-2785

**ETHNOPOLITICAL MOVEMENTS AND PARTIES
OF RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY
IN THE POST-SOVIET HISTORIOGRAPHICAL SPACE**

Abstract. The post-Soviet historiographical landscape includes quite extensive materials on the history of ethnopolitical movements/national parties of the early XX century, and its coverage is directly related to the urgent tasks of modern nation-building and the formation of markers of public consciousness. This is clearly shown by the example of the historiography of Kazakhstan and the countries of Central Asia. The article analyzes the leading trends and features of the interpretation of the history of the formation, essence, activity and significance of ethnopolitical parties and movements of the early XX century in the publications of historians of the former republics of the USSR.

Keywords: Russia, ethnopolitical movements and parties, historiography, post-Soviet space.

Acknowledgements: the study was carried out within the framework of the Program of scientific research related to the study of the ethno-cultural diversity of Russian society and aimed at strengthening the all-Russian identity (2023–2025). The project “Critical analysis of the concept of neocolonialism in relation to the Soviet experience of national politics and ethnocultural development”.

Введение. История этнополитических движений и партий России начала XX в. по-прежнему остается в фокусе внимания российской и зарубежной историографии, но пик интереса к этой проблематике пришелся на конец 1980-х – начало 1990-х гг. Это было связано не только с раскрытием прежде недоступных архивных источников, но более всего — с невиданным до того всплеском общественно-политической активности в СССР, а после его распада — в бывших союзных республиках, что вызвало создание новых и реставрацию досоветских институций. Этнонационализм стал одним из мощных инструментов формирования политических систем и общественного сознания на постсоветском пространстве, и национальные историографии активно включились в этот процесс, обеспечивая идеологический фундамент новой государственности. Постепенно история этнополитических движений и партий уступила место другой тематике в историографии бывших республик СССР, причем в центр внимания попали иные проблемы, с учетом специфики прошлого той или другой страны, нацеленные на социокультурный и идейный разрыв с тем, что связывало их народы с Россией и СССР.

Литература о роли этнонационального фактора в трансформации научного и социально-культурного пространства начиная с 1990-х гг. обширна и разнопланова, достаточно отметить обобщающие труды В. А. Тишкова и В. А. Шнирельмана¹. Тем не менее анализ публикаций и исследований историков нового зарубежья по избранной проблеме представляется актуальным, поскольку позволяет высветить важные общие тренды эволюции и особенности историографии стран, в недавнем прошлом имевших единое научное пространство СССР и приобретших некие новые начала после 1991 г. В данном случае объектом изучения стали наработки представителей научного сообщества стран Центральной Азии, включающих Казахстан и республики Средней Азии.

Ход и результаты исследования. С конца 1980-х гг. по нарастающей шло развитие исследований истории национальных движений и партий начала XX в., активно участвовавших в революционном процессе перехода от Российской империи к Советскому Союзу. Было сделано немало полезного: опубликовано много документов и иных материалов, вышел ряд статей и монографий и прежде заключенные в советский канон «мелкобуржуазные националистические» движения и партии стали обретать конкретно-исторический облик, привязанный к этнорегиональной специфике и наполнявшийся фактами, событиями и персонажами, что существенно обогатило и разнообразило представления о драматическом и противоречивом транзите народов России от традиции к модерности.

Стало очевидно, что этнополитические движения и партии, включившиеся в революцию под мощным влиянием общероссийских политических сил, были ее важной составной частью и сыграли (прежде всего в лице их элит) не последнюю роль в том, как разворачивались события в национальных регионах, и в том, какой вид приобрела и как развивалась их государственность после 1917 г. Культурная сложность России, сложившаяся исторически, породила уникальный по своему разнообразию сплав политических практик, этносоциальных моделей властвования и способов межкультурной интеграции, включавших преемственные и новаторские подходы и приемы государственного и национального строительства. Правда, логика постсоветских руководящих структур и элит диктует этноцентричный взгляд на прошлое, что исключает признание названных обстоятельств как неотъемлемых компонентов этнополитического развития Бухарского и Хивинского ханств, Туркестанского края и Казахской степи, в комплексе обусловивших и перемены в регионе от Февраля к Октябрю 1917 г., и его советскую историю. К примеру, Б. К. Айтенова признает, что власть в Казахстане «рассматривает историческую науку как некий рычаг для решения общественных проблем, а не только как академическую науку,

¹ Шнирельман В. А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003; Национализм в мировой истории / под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана. М., 2007; Многоликая Клио: бои за историю на постсоветском пространстве / В. А. Шнирельман [и др.]; Ин-т им. Георга Эккерта по междунар. исслед. школьных учебников. Берлин, 2010.

призванную на поиски истины. А это, в свою очередь, определяет исторический поиск». Динамика исторической науки, ее направленность находились под контролем непосредственно президента Н. А. Назарбаева². Нынешний президент К.-Ж. К. Токаев, впрочем, тоже не выпускает из поля зрения перспективы историографии республики.

По мнению крупного историка Узбекистана Д. А. Алимовой, уже в 2009 г. в узбекской историографии произошел «отход от эмоционально-поверхностных оценок, характерных для конца 80-х и начала 90-х годов», однако «они все еще проявляются, особенно при переосмыслении истории национально-освободительного движения»³. Исследователь указывает на дискуссионные оценки басмачества как национально-освободительного движения (в этом сомнений у узбекских историков нет). Но по поводу того, как это соотносится с этнополитическими структурами, родившимися на территории республики, она возражает против утверждения К. Раджабова о джадидах как идеологах басмачества. Действительно, прямая связь между носителями модернистских взглядов, ставших родоначальниками политических движений и впоследствии сотрудничавших с большевиками, вряд ли поможет выстроить стройную объяснительную версию революционных событий. Даже если отвергать факт гражданской войны на территории Узбекистана, поскольку басмачи представляются как борцы против советской власти и Красной армии, трудно объединить местную интеллигенцию с разным этническим происхождением с лидерами басмачей, которые, впрочем, пишет Д. А. Алимова, боролись между собой за власть, что как раз было фактом гражданской войны.

Образованный слой среднеазиатских сообществ, разделенных границами ханств и Туркестанского генерал-губернаторства, был политически мотивирован на достижение автономии и сотрудничество с теми силами, которые оказались способны помочь им в этом. Объединить в пантеон национальных героев представителей разных интересов оказалось достаточно сложно. Тем не менее узбекская историография едина в оценке джадидизма: это было прогрессивное движение, способствовавшее росту национального самосознания народов региона и сыгравшее существенную роль в становлении и развитии национально-освободительной идеологии. Признается наличие разных подходов в программе джадидов: полное отделение от России; создание национально-территориальной автономии или гарантии прав на духовно-религиозную автономию в составе России. Выделяются партия младобухарцев — революционных джадидов во главе с А. Фитратом и Ф. Ходжаевым и так называемое правое крыло —

² *Айтенова Б. К.* Современная историография Казахстана о проблемах российской колонизации и национально-освободительного движения в казахской степи: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2007. С. 18, 21.

³ *Алимова Д. А.* О некоторых «болезнях роста» в изучении истории Узбекистана // Информационно-аналитический Центр по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве (ИИАЦ МГУ): сайт. URL: <https://ia-centr.ru/experts/iats-mgu/d-a-alimova-o-nekotorykh-boleznyakh-rosta-v-izuchenii-istorii-uzbekistana/> (дата обращения: 30.03.2023).

«Шура-и-Ислам». Джадидизм, отмечается далее, не может быть отождествлен с пантюркизмом, панисламом и буржуазным национализмом, а идеи джадидов не имеют ничего общего с идеологией махрового национализма⁴.

Этнополитические организации Туркестана в 1917–1918 гг. особенно подробно исследовал Р. Абдуллаев. Он признает отсутствие единства в национальном движении, отмечая разношерстный этносоциальный состав и протопартийный характер туркестанской «Шура-и-Ислам», и называет ее национальной (в этническом смысле), лишь упоминая фактическую многоэтничность региона. Он считает также, что российские власти пытались изолировать Туркестан от внешнего мира, имея в виду якобы противодействие взаимосвязям тюркских и мусульманских народов⁵.

Признается и то, что исламский фактор, как пишет С. Агзамходжаев, стал индикатором политического самосознания для среднеазиатских мусульман, в 1917 г. признавших духовную и культурную общность с мусульманами России и других стран. В то же время к февралю 1917 г. конкретной политической программы даже радикальная часть джадидов не имела, выступая за демократические права и конституцию, расширение прав коренного населения в органах власти вплоть до Думы и свободу печати.

Быстро растущая политическая активность русского населения региона подталкивала джадидов к более активным действиям, в том числе в организационном плане (региональные съезды, слияние в более крупные организации и т. п.). Джадиды занимали центристские позиции, правые поддерживали Временное правительство при сохранении традиционных устоев. Среди левых были сторонники ханской власти, противники колониальных властей и религиозные реформаторы. Весь 1917 г. прошел под знаком усиления идейной пестроты в рядах этнонациональных политактивистов⁶.

Изменения в политической географии региона конца XX в. продиктовали историкам новых государств акцент на обоснование преемственных начал у родоначальников джадидизма, стремление доказать их самостоятельность и перспективный характер программных идей и политических акций. С этим же связано и отсутствие интереса к освещению многомерной и сложной палитры взаимоотношений, конкуренции и сотрудничества местных этнополитических структур и их лидеров с общероссийскими. Освещение деятельности последних в регионе практически не претерпело изменений, к нарабатанному в советский период фактологическому багажу лишь прибавлялись сюжеты об их искусственном происхождении и неукорененности на этносоциальной почве региона, неспособности стать лидерами прогресса и противостоянии

⁴ Саламов Ш. Н. Туркестан и Южный Кавказ XIX–XX вв. Дашнаки от Ферганы до Карабаха. Ташкент, 2015. С. 93, 103–104.

⁵ Абдуллаев Р. Национальные политические организации Туркестана в 1917–1918 годы. Ташкент, 2016. С. 259, 257.

⁶ Агзамходжаев С. История Туркестанской автономии (Туркистон Мухторияти). Ташкент, 2006. С. 53, 56–58, 67–68; Абдуллаев Р. Указ. соч.

национальным элитам, боровшимся за освобождение своих народов. Радикализм социал-демократов, особенно большевиков, блокировавший даже малейшие шансы на умиротворение ситуации, рассматривается в качестве основного и единственного препятствия для достижения целей автономистов и сторонников неких других проектов. Историки региона практически единодушно критикуют действия представителей общероссийских политических партий, обвиняя их, и особенно большевиков, в великодержавных амбициях и игнорировании интересов мусульман. Вне поля зрения остались факты коалиций общероссийских и этнополитических структур в избирательных кампаниях, становлении новых органов власти и управления, межличностные контакты и сотрудничество представителей «европейцев» и «туземцев». Из поля зрения исключаются возможные перспективы политических альянсов в пользу гражданского мира и совместного поиска путей преодоления кризиса российской государственности, включая Туркестан, и среднеазиатских ханств.

Таджикская историография также внимательно относится к истории джадидизма, выделяя определенные нюансы, связанные с этноидентичностью его лидеров, да и вообще традиционных обществ региона. К. Абдуллаев, в частности, подчеркивает: в Средней Азии отсутствовала этносамоидентификация, а языковая принадлежность не была принципиальным национальным признаком. Главным интегрирующим фактором стал ислам⁷. Действительно, именно конфессиональная общность составляла основу взаимосвязей активистов джадидизма, в том числе с представителями других регионов Российской империи — Крыма, Поволжья, Кавказа. Этот общий вывод, правда, мало подкреплён конкретными исследовательскими наработками: существо и характер взаимоотношений мусульманских элит на рубеже двух веков освещаются попутно, если это важно для собственной этнополитической истории.

Справедливым представляется вывод Н. У. Гафарова об отсутствии единства и цельности в среднеазиатском джадидизме, к тому же он верно отмечает закономерный выход на ведущую роль в движении национальной буржуазии, имевшей в сравнении с другими слоями общества финансовые и прочие ресурсы, а также организационный опыт и необходимые связи. Другим ценным наблюдением историка является дифференциация уровней организационного и идеологического развития этнополитических структур, возникавших в условиях относительно развитой общественно-политической жизни Туркестанского края и закрытыми традиционными обществами, существовавшими в Бухарском и Хивинском ханствах с их авторитарными режимами⁸. Впрочем, стоит отметить, что рекрутирование этнополитической элиты происходило из всех возможных социальных источников: это были обладавшие образованием и опытом

⁷ *Абдуллаев К. Н.* От Синьцзяна до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX века. Душанбе, 2009. С. 79–80.

⁸ *Гафаров Н. У.* Джадидизм в Средней Азии в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Душанбе, 2013. С. 28–30.

в разных сферах общественно-политической жизни и коммуникативными навыками представители купеческих династий; лидеры мусульманских общин и знатоки ислама; немногочисленные выходцы из различных слоев, посвятившие себя культурным практикам, прежде всего в литературе.

Такой набор был отражением социальной ситуации в обществах, где кристаллизация политических проектов лишь намечалась, когда мировая война и революция в стране вывели на пространство борьбы за власть все сколько-нибудь активные персонажи. Организационная слабость, отсутствие навыков и политического инструментария, которыми владели их конкуренты, несмотря на прочную культурно-социальную почву и традиционные механизмы регулирования противоречий и обеспечения общественной стабильности, обусловили историческое поражение этнонациональных элит. Тем не менее этот аспект не получил взвешенного анализа в историографии стран Центральной Азии.

Главные идеи в программе джадидов сосредоточивались на общекультурных критериях модернизации и перехода к модерности в ее актуальном на тот период понимании. Социальная пестрота и политическая молодость обусловили расплывчатость в определении тех вопросов, которые на деле были коренными: какой должна быть государственность народов региона; в чем пределы автономного статуса, если таковой объявлялся целью; каковы основные принципы и модели достижения благосостояния и культурного прогресса? Практически не рассматривается вопрос о политическом партнерстве с демократическими силами в регионе и вне его, а переход на сторону советской власти и вступление в партию большевиков ряда национальных лидеров оценивается как вынужденный шаг, который, несмотря на существенный вклад в государственное строительство и этносоциальную модернизацию, обернулся тяжелыми потерями. Революция, утверждают узбекские историки, установила большевистский режим, продолжавший колониальную политику царизма во всех сферах жизни. Преобладают такие оценки политики большевиков: «великодержавно-шовинистическая, имперская», «самодовлеющий, недемократический, антинародный характер» системы их власти. Басмачество рассматривается как движение народных мстителей и заступников, борцов за освобождение родины от господства Москвы⁹.

Как пишет С. Агзамходжаев, созданная в июле 1917 г. партия тюркских федералистов активно заимствовала опыт азербайджанского Мусавата и под его влиянием выступала за национально-территориальную автономию для Туркестана, Казахстана и Башкирии; культурно-национальную — для татар Поволжья, Крыма и других тюркских народов России. Программа федералистов содержала общедемократические положения, которые вполне укладывались в ведущий тренд партийно-политических процессов в стране, предполагая и некий компромисс в отношении более консервативных сил улаμισов. Отражением приоритетов конфессиональной идентичности стало положение устава

⁹ Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости / Р. М. Абдуллаев и др. Ташкент, 2000. С. 75, 163, 242–243, 166.

о праве вступать в партию для каждого мусульманина, желающего служить целям партии, независимо от пола, убеждений и классовой принадлежности. Вряд ли можно говорить о социально-классовых различиях национально-политических организаций, поскольку главным препятствием для единства действий стали противоречия идейного порядка между сторонниками культурного прогресса путем отказа от устаревших догм, и консервативными силами внутри конфессионально единого социума¹⁰. Отсутствие современных кадровых ресурсов, финансовая и материально-техническая слабость, риски военно-политического поражения — все это сказалось на судьбе Туркестанской (Кокандской) автономии. В узбекской историографии она рассматривается как пример жертвенного героизма национальной элиты и коварства большевистской политики¹¹.

Узбекские и таджикские ученые, как правило, обходят стороной достаточно важный для их стран вопрос об этнической принадлежности лидеров этнополитических организаций, возникших в традиционных обществах. Фетишизация принципа самоопределения и современная идеология государственного строительства новых стран региона ограничивает возможности для размышлений о природе и значении культурной сложности этносоциальных организмов Центральной Азии. Таджикский историк лишь посетовал: «Почему-то одни и те же лидеры борются за национальный суверенитет таджиков (мнение ученых Таджикистана) и узбеков (мнение ученых Узбекистана). Хотя нигде и ни один из лидеров джадидов Бухары и Туркестана не разделяли население этих регионов на таджиков и узбеков»¹². Обозначенный как узбекский деятель А. Фитрат, к примеру, писал на таджикском языке, да и практически вся джадидская литература использовала именно его. Как заметил российский историк Р. Бобохонов, в постсоветской ситуации «узбеки их стали называть узбеками, поскольку они проживали преимущественно в тех регионах, которые сегодня входят в состав нынешнего Узбекистана. Таджики стали их называть своими героями, поскольку большинство из них говорили и писали на таджикском языке»¹³.

Действительно, искусственные попытки «приватизировать этничность» в современной историографии бывших союзных республик региона объективно

¹⁰ *Агзамходжаев С.* Указ. соч. С. 159–165.

¹¹ *Агзамходжаев С.* Указ. соч.; Туркестанская автономия (Туркистон Мухторияти). Создание и разгром: сб. ст. [Электронный ресурс] // GreyLib: библиотека Хуршида Даврона: сайт. URL: <https://greylib.align.ru/503/turkestanskaya-avtonomiya-sozdanie-i-razgrom-sbornik-statej.html> (дата обращения: 11.12.2023).

¹² *Гафаров Н. У.* О некоторых теоретико-методологических аспектах исследования истории среднеазиатского джадидизма // История стран Центральной Азии: совместное видение методологических проблем: материалы Международ. научно-практ. конф. (19–21 ноября 2001 г.). Бишкек, 2002. С. 117–123.

¹³ *Бобохонов Р.* Джадидизм как школа модернизации ислама в Центральной Азии [Электронный ресурс] // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 05. С. 13–17. URL: <chrome-extension://efaidnbmninnibpcjpcglclefindmkaj/http://www.nauteh-journal.ru/files/c43d3936-622a-4a7b-9094-830c6c3d7dfd> (дата обращения: 23.11.2023).

препятствуют отказу от примордиалистической парадигмы, а также глубокому, основательному и корректному исследованию эволюции этносоциальных общностей в их структурной и культурной сложности. Трансформация этих общностей была резко ускорена в 1920-е гг., особенно благодаря национально-территориальному размежеванию и конструированию модерных наций в их советском облике.

Авторитарный характер политических систем с ярко выраженной персонификацией власти наряду с оригинальным историческим опытом государственности и межэтнических отношений в регионе продиктовал разнообразие в приоритетных направлениях новейшей историографии, где мобилизационный ресурс истории этнонациональных движений постепенно становится менее востребованным в сравнении с другими событиями прошлого в их актуализированном прочтении, с определенными отличиями и нюансировками. Характерно в этом отношении состояние туркменской историографии: сведения о ней крайне скудны, если не отсутствуют напрочь. Единственным примером глубокого и объективного исследования являются труды работавшего в России и других странах Ш. Х. Кадырова (1954–2016). Он дал блестящий анализ этносоциального развития туркмен, в том числе на рубеже XIX–XX вв., выделив основные тренды политической истории неконсолидированной в модерную целостность «нации» племен¹⁴.

В Киргизии интерес к данной проблематике ограничен самим фактом малочисленности и слабости этнополитических организованных сил. Джадидизм, или «филиал» движения «Алаш», рассматривается лишь в нескольких публикациях¹⁵. Как правило, подчеркивается отсутствие сепаратизма в программах всех структур, но проблемы их взаимоотношений, а также взаимодействия с общероссийскими партиями и мусульманским движением пока изучены явно недостаточно.

Общее состояние «исторической политики» и основных проблем казахстанской историографии в условиях «борьбы с колониальностью» более десяти лет назад дал А. В. Ремнев¹⁶. С тех пор обозначенные им направления «деколонизации» исторической памяти и общественного сознания в целом получили дальнейшее развитие, и этнополитическая история здесь занимает центральное место. Именно в Казахстане нациестроительство и даже ценность нынешней независимости напрямую связываются с историей возникшего в начале XX в. движения «Алаш», тогда как его сторонники были яркими и самыми последовательными приверженцами проекта автономии Казахской степи в составе федеративной России, а лидеры этого движения, признав поражение в борьбе на стороне антисоветских сил, в 1919 г. начали сотрудничество с большевиками.

¹⁴ Кадыров Ш. «Нация» племен: этнические истоки, трансформация, перспективы государственности в Туркменистане. М., 2003.

¹⁵ Курманов З. К. Борьба политических элит Кыргызстана в период возрождения национальной государственности кыргызского народа: (1917–1927 гг.). Бишкек, 1997; Байдилдеев Ж. Кыргыз-казак интеллигенциясынын байланыштары (XX к. башы). Бишкек, 2015; Кубатова А. Э. Джадидизм в Кыргызстане: историческая ценность их наследия в прошлом и современности. Бишкек, 2020.

¹⁶ Ремнев А. Колониальность, постколониальность и «историческая политика» в современном Казахстане // *Ab Imperio*. 2011. № 1. С. 169–205.

В ряду профессиональной историографии следует выделить работы К. Нурпеисова¹⁷ и М. Койгельдиева¹⁸, первыми в Казахстане предпринявшими попытку анализа историографии и истории движения «Алаш». По мнению К. Нурпеисова, национально-освободительное движение, каковым считается «Алаш», было мононациональным, за исключением южных областей, где наряду с казахами в восстании участвовали уйгуры, узбеки, киргизы, дунгане и представители некоторых других народов.

М. Койгельдиев оценивает «Алаш» как общенациональное движение демократической направленности, возникшее в ходе формирования казахской буржуазии и пробуждения национального самосознания, переросшее затем в партию. Достоинством публикаций автора является привлечение первоисточников из газеты «Казах» — органа «Алаш», работ лидеров движения, изданных на казахском языке с использованием арабской графики. Это позволило ему, в частности, вскрыть изъяны в опубликованных еще в 1920-е гг. документах «Алаш» и приблизиться к пониманию действительного положения дел. Тогда же появились работы, освещающие эпизоды начального этапа истории «Алаш», газеты «Казах» и др. Койгельдиев отстаивает этноцентризм движения «Алаш», резко негативно воспринимает любые попытки объективно оценить вклад казахобольшевиков в этносоциальную модернизацию и весь советский период истории и государственности Казахстана, использовать достижения и методологические наработки российской историографии. Национальные деятели начала XX в. наиболее зримо подкрепляют своими биографиями этнополитический романтизм и актуализированные признаки досоветской идентичности. Они активно используются для становления нового самосознания и патриотизма (номадизм, регионально-жузовая стратификация этноса, ислам)¹⁹.

При этом отстаивается тезис о единстве и сплоченности, высоком социально-профессиональном уровне национальной элиты, якобы успешно противостоявшей «зловредному» центру. На деле узкий круг вовлеченных во власть во время революции националов был далеко не монолитным в силу разного образования, политического опыта, религиозности, зависимости от жузовых (клановых), персональных и иных ориентиров, а также личных амбиций²⁰.

Внедренная в последнее десятилетие система подготовки научных кадров с формальными критериями оценки значимости их труда привела к резкому падению интереса к монографическим исследованиям и их публикации. Опубликованы документы, в том числе о процессах над алашординцами и материалы

¹⁷ *Нурпейісов К.* Алаш һәм Алашорда. Алматы, 1995.

¹⁸ *Койгельдиев М.* Алаш. В путях догм // Заря. 1990. № 8. С. 4–6; № 9. С. 6–8.

¹⁹ *Кул-Мухаммед М.* Акпаев Жакып. Алматы, 1995; *Нурпеисов К.* Халел Досмухамедов: государственный деятель, ученый-энциклопедист, педагог // Мысль. 1998. № 2. С. 84–87; *Жугенбаева Г.* Мухамеджан Тынышпаев и правительство Колчака // Мысль. 1998. № 9. С. 83–88; *Мажитов Р.* Жаханша Досмухамедов. Алматы, 2007 и др.

²⁰ См., например: *Шац Э.* Роль государства в устойчивости родовых связей в Казахстане // Казахстан и Россия: общества и государства. М., 2004. С. 114–132.

их допросов²¹. На фоне включения в так называемую Болонскую систему это является способом реализации профессиональных интересов и пополнения источниковой базы, демонстрации результатов работы ученых. Впрочем, умножение числа издаваемых документальных сборников пока не привело к качественным изменениям в концептуальном и методологическом обновлении исследовательского ландшафта.

В последние годы освещение истории «Алаш» свелось к всевозможным общественно-политическим акциям наряду с продолжающимся вниманием филологов и других гуманитариев к общекультурному наследию видных участников движения. Как правило, к памятным датам и политическим решениям, к примеру о переходе на латиницу, приурочиваются и активизируются форумы и дискуссии о роли алашевцев в этнокультурном развитии общества. Мемориализация репрессированных в 1930-е гг. лидеров движения стала важнейшим фактором формирования этноидентичности, а их вклад в развитие литературы, языка, образования получает воплощение в многочисленных публикациях, монументальной пропаганде, визуальных произведениях. Созданные в начале прошлого века структуры иной идейно-политической направленности, в том числе быстро сошедшая со сцены моноэтническая «Уш жуз», фактически исчезли из историографического пространства.

Фетишизация «Алаш» имеет ярко выраженный символический смысл, сопровождаясь все большей мифологизацией, некритическим и плохо обеспеченным в соответствии с требованиями источниковедения и археографии бумом издания всевозможных документов, избирательным подходом к цитированию и освещению фактов политической истории движения и биографий его лидеров, прежде всего А. Букейханова. Это особенно зримо воплощают многочисленные публикации филолога по образованию, журналиста С. Аккулы, монополизировавшего право на трактовку и историописание «Алаш» на примере биографии Букейханова²². Впрочем, не столько историки, сколько именно филологи и философы стали задавать тон в подобной интерпретации наследия движения. Интернациональный характер его взглядов, борьба за межэтнический мир, вклад А. Букейханова, А. Байтурсынова и других лидеров движения в развитие межкультурного и политического взаимодействия казахских и русских демократов практически упускаются.

Таким образом, ныне сосуществуют два направления в освещении истории движения: более близкое к академическому и редко пополняемое серьезными работками, а также публицистическое, активно претендующее на монополию в интерпретации смысла и значения феномена «Алаш», использующее персонификацию как главный метод пропаганды взглядов его представителей. В определенной степени это отражает противоречивый характер государственной исторической

²¹ *Букейханов Ә.* Шығармалар. Алматы, 1994; Движение Алаш: сб. документов и материалов. Алматы, 2007; Движение Алаш: сб. материалов судебных процессов над алашевцами: в 3 т. Алматы, 2011.

²² *Аккулы С.* Алихан Букейхан: в 2 т. Астана, 2016.

политики, в которой лидеры движения выступают как национальные герои и жертвы репрессий, а их автономистские идеи вряд ли могут полноценно поддержать пафос утверждения независимости.

В то же время продолжает оставаться спорным вопрос о политической сущности «Алаш». В начале 1990-х гг. его определяли как партию буржуазно-националистическую, мелкобуржуазную, либерально-буржуазную, партию полуфеодалного байства и мелкобуржуазной интеллигенции, народно-демократическую, но в настоящее время обсуждение этой темы сошло на нет. Впрочем, в казахстанской историографии, согласно логике этноцентристской политики нового государства, «Алаш» рассматривается чаще как партия, которая консолидировала усилия казахского общества в отстаивании демократии и прогресса. Часто смешиваются сами понятия «Алаш» (название движения/партии) и «Алаш-Орда» (правительство провозглашенной автономии). Однако движение «Алаш» не успело оформиться в полноценную партию, провозгласив ее создание, но не приняв ни программы, ни устава. Созданные для участия в выборах в Учредительное собрание, казахские комитеты на местах были организационной основой движения «Алаш» и протопартийными структурами, которые почти сразу реформировались в отделения провозглашенной в декабре 1917 г. автономии с правительством «Алаш-Орда», расположившимся в Заречной слободе Семипалатинска. Более того, институциональное развитие движения «Алаш» в условиях гражданской войны, когда Алаш-Орда в сентябре 1918 г. выделила в своем составе Западное отделение с целью улучшения управляемости при наличии действующих на огромной территории разнонаправленных военно-политических сил и слабой связи между регионами, спровоцировало некоторых авторов к ошибочному переименованию самого автономного правительства в Восточное отделение²³. Это не подтверждается фактами и документами, поскольку такого отделения не было, тогда как сам историографический казус искусственно лишает автономистское движение единого центра и правительства.

Между тем представленная в различных источниках, которые сегодня вполне доступны исследователям, историческая реальность включала разные, нередко ожесточенно противостоявшие друг другу персонажи и структуры. Многочисленные документы, связанные с подчас противоположными сторонами, имеющие ведомственный, партийный, конфессиональный, личный и иной характер, явственно обнажают суть позиций и политических действий участников революции, разрывы и преемственность в социальной динамике революционной эпохи, протяженный во времени и инерционный характер многих важных процессов в экономике, государственном строительстве, социально-культурной сфере.

Значительно влияние западных авторов на историографию бывших советских республик. При этом доминируют идеи представителей так называемой тоталитарной школы, которая, несмотря на низкую научную продуктивность, оказалась

²³ Восточное отделение Правительства Алашорды: сб. документов / сост. Е. Б. Сыдыков и др. Семей, 2010.

удобна для «деколониального поворота», объяснения современных принципов и проблем развития новых государств. Основной тенденцией является механическое заимствование тех или иных концепций и методов, когда имена представителей и перечисление их предложений становятся частью вводного блока публикаций, а не инструментом познания. Особо популярным в историографическом плане стал ценностный подход, когда вместо аналитического переосмысления тех или иных сюжетов или персонажей их либо отвергают, подвергая анафеме, либо выстраивают реабилитационную апологию.

Организационные основы взаимодействия историков стран бывшего СССР не получили устойчивого и конструктивного воплощения, образовательное пространство подготовки научных кадров фрагментированно, научные связи зачастую сводятся к индивидуальным творческим инициативам, в том числе в рамках конференций, и сложившимся за долгие годы личным контактам.

Весьма популярными лексическими практиками, мало поддерживаемыми комплексным и корректным анализом, стали рассуждения о советском «колониализме», изначально «злой» природе империи и безусловно имперской сущности сталинской системы и СССР вообще. При этом преобладают эмоциональные оценки, обеспечивающие формирование в обществе односторонних и ограниченных представлений о сути этнонациональной политики, ее результатах и роли этноэлит, которые были не только жертвами центра и героическими защитниками своей культуры, но и быстро встраивались в состав советской номенклатуры. Персонификация исторических событий с назойливым противопоставлением национальных фигур так называемым европейцам, русскоязычным, некоренным деятелям отражает отчетливый этноцентристский тренд на примордиалистскую интерпретацию прошлого.

Заключение. Изучение истории этнополитических организаций конца XIX – начала XX в. в Центрально-Азиатском регионе, пережив всплеск интереса со стороны общества и ученых в 1990-е гг., по-прежнему остается частью историографического ландшафта стран Центральной Азии, но в настоящее время уступило первое место более актуальной тематике. Она различается в зависимости от той злободневной повестки, которая диктуется текущими внутри- и внешнеполитическими особенностями нациестроительства в каждой стране. Как и ранее, акцентируется внимание на демократическом и освободительном характере движений/партий, биографиях лидеров как национальных героев и жертв имперского/советского режимов. Сохраняет свое значение и мобилизованный лингвизм, играющий неоднозначную роль не только в политике, но и в историографии и источниковедении.

Новая мифология прошлого активно использует устаревшие дискурсы тоталитарной школы историографии. Автономизм как главный программный тезис этнополитических акторов недавнего прошлого оказывается «неудобным» для демонстрации непрерывной истории борьбы за независимость, порождая противоречия в исторической литературе. Общероссийские партии

почти не входят в поле исследований, за исключением описания примеров их кратковременных альянсов и главным образом конфликтов с национальными. В каждой из стран региона имеются определенные различия в интерпретации истории этнополитических движений и партий. Оставаясь в рамках нарративов либерализма, марксизма, колониализма и модернизации, историография не освобождается от универсалистского европоцентризма, жесткого противопоставления Запада и Востока, «цивилизованности» и «дикости» как маркеров оценки собственной истории и позиционирования в международном научном пространстве.

Важной чертой новейшей историографии стала своеобразная географическая «приватизация», когда бывшие советские историки, разделенные новыми государственными барьерами, соответственно с ними ограничили и регион исследования. Новое поколение историков нередко игнорирует ценную часть советской научной литературы как априори негодной и имперско-колониалистской, историческая реальность СССР существенно обедняется и усечена в пределах допустимой негативной оценки.

В то же время произошло заметное изменение источниковой базы исследований: выросли масштабы привлечения документов из местных архивов, региональных изданий и периодики, прежде всего на национальных языках. Это позволило ввести в научный оборот документы, «изнутри» представлявшие ход событий, локально-региональную специфику, настроения местных активистов общественно-политического процесса и масс. Кроме того, становилось более полифоничным, объемным, разноплановым восприятие уже известных фактов и явлений, они дополнялись новыми нюансами, менялись акценты интерпретации в локальном контексте. Это обогатило конкретно-историческую картину, но ограничило политическую и ментальную географию, а также возможности компаративного подхода.

Конструктивное начало связано с появлением некоторых междисциплинарных исследований, ростом внимания к истории национальной интеллигенции как ядра политических конструкций. Актуальной темой дискуссий является проблема преемственности или разрывов российско-советской истории и вопрос о преемственности или отличиях имперского и советского периодов, о степени их «колониальности» и о «постколониальных» проблемах советского пространства²⁴.

Анализ наследия этнополитических движений и партий может быть плодотворным, если он будет совмещать публикацию разнообразных источников с их качественной аналитикой и расширением контекста, выходом за рамки этноцентристских нарративов, использованием сравнительного подхода

²⁴ Алимova Д. О некоторых «болезнях роста» в изучении истории Узбекистана // Новая история Центральной Азии. Переоценка истории, современные проблемы и подходы. Ташкент, 2004. С. 73–84; *Ee же*. Современные парадигмы и некоторые «болезни роста» исторической науки // *Shygys/Orient*. 2005. № 2. С. 3.

в географических границах бывшего СССР и за их пределами, акцентированным переходом к проблематизации с использованием собственного языка самоописания.

Литература

1. Абдуллаев К. Н. От Синьцзяня до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX века. Душанбе: Ирфон, 2009. 571 с.
2. Абдуллаев Р. Национальные политические организации Туркестана в 1917–1918 годы. Ташкент: Adabiyot uchqunlari, 2016. 282 с.
3. Абылгазина А. Казахские комитеты в 1917 году // Мысль. 1998. № 3. С. 84–87.
4. Агзамходжаев С. История Туркестанской автономии (Туркистон Мухторияти). Ташкент: Тошкент ислом университети, 2006. 268 с.
5. Айтенова Б. К. Современная историография Казахстана о проблемах российской колонизации и национально-освободительного движения в казахской степи: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2007. 22 с.
6. Аккулы С. Алихан Букейхан: в 2 т. Астана: Алаш, 2016.
7. Алимова Д. Современные парадигмы и некоторые «болезни роста» исторической науки // Shygys/Orient. 2005. № 2. С. 3–10.
8. Алимова Д. А. О некоторых «болезнях роста» в изучении истории Узбекистана // Новая история Центральной Азии. Переоценка истории, современные проблемы и подходы. Ташкент, 2004. С. 73–84.
9. Байдилдеев Ж. Кыргыз-казак интеллигенциясынын байланыштары (XX к. башы). Бишкек: Максспринт, 2015. 172 б. (На кирг. яз.).
10. Бөкейханов Э. Шығармалар. Алматы: Қазақстан, 1994. 384 б. (На казах. яз.).
11. Гафаров Н. У. Джадидизм в Средней Азии в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Душанбе, 2014. 46 с.
12. Жугенбаева Г. Мухамеджан Тынышпаев и правительство Колчака // Мысль. 1998. № 9. С. 83–88.
13. История общественно-культурного реформаторства на Кавказе и в Центральной Азии (XIX – начало XX века) / отв. ред.: Д. Алимова, И. Багирова. Самарканд: МИЦАИ, 2012. 335 с.
14. Кадыров Ш. «Нация» племен: этнические истоки, трансформация, перспективы государственности в Туркменистане. М.: [Б. и.], 2003. 363 с.
15. Койгельдиев М. Алаш. В путях догм // Заря. 1990. № 8. С. 4–6; № 9. С. 6–8.
16. Кубатова А. Э. Джадидизм в Кыргызстане: историческая ценность их наследия в прошлом и современности. Бишкек, 2020. 24 с. (Университет Центральной Азии. Высшая школа развития. Отдел культурного наследия и гуманитарных наук. Научный доклад № 6).
17. Кул-Мухаммед М. Акпаев Жакып. Патриот. Политик. Правовед: политико-правовые взгляды Ж. Акпаева. Алматы: Атамұра, 1995. 240 с.
18. Курманов З. К. Борьба политических элит Кыргызстана в период возрождения национальной государственности кыргызского народа: (1917–1927 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Бишкек, 1997. 48 с.
19. Мажитов Р. Жаканша Досмухамедов. Алматы: Арыс, 2007. 216 с.
20. Многоликая Клио: бои за историю на постсоветском пространстве / В. А. Шнирельман [и др.]; Ин-т им. Георга Эккерта по междунар. исслед. школьных учебников. Berlin: Logos, 2010. 142 с.

21. Национализм в мировой истории / Российская акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007. 601 с.
22. Нұрпейісов К. Алаш һәм Алашорда. Алматы: Ататек, 1995. 256 б. (На казах. яз.).
23. Нурпейсов К. Халел Досмухамедов: государственный деятель, ученый-энциклопедист, педагог // Мысль. 1998. № 2. С. 84–87.
24. Полвонов Н. История социальных движений и политических партий Хорезма (1900–1924). Ташкент: Akademnashr, 2011. 120 с.
25. Саламов Ш. Н. Туркестан и Южный Кавказ XIX–XX вв. Дашнаки от Ферганы до Карабаха. Ташкент: Янги аср авлоди, 2015. 304 с.
26. Туркестан в начале XX века: К истории истоков национальной независимости: [монография / Р. М. Абдуллаев и др.; науч. ред. Р. Я. Раджапова]; Акад. наук Респ. Узбекистан. Ин-т истории. Ташкент: Шарк, 2000. 672 с.
27. Хасанов М. Альтернатива. Из истории Кокандской автономии // Звезда Востока. 1990. № 7. С. 105–120.
28. Шац Э. Роль государства в устойчивости родовых связей в Казахстане // Казахстан и Россия: общества и государства. М.: Права человека, 2004. С. 114–132.
29. Шнирельман В. А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: Академкнига, 2003. 591 с.

References

1. Abdullaev K. N. Ot Sin'tsziania do Khorasana. Iz istorii sredneaziatskoi emigratsii XX veka [From Xinjiang to Khorasan. From the history of Central Asian emigration of the twentieth century]. Dushanbe: Irfon, 2009. 571 p. (In Russ.).
2. Abdullaev R. Natsional'nye politicheskie organizatsii Turkestana v 1917–1918 gody [National political organizations of Turkestan in 1917–1918]. Tashkent: Adabiyot uchqunlari, 2016. 282 p. (In Russ.).
3. Abylgazina A. Kazakhskie komitety v 1917 godu [Kazakh committees in 1917] // Mysl'. 1998. № 3. P. 84–87. (In Russ.).
4. Agzamkhodzhaev S. Istoriia Turkestanskoi avtonomii (Turkiston Mukhtoriati) [The history of Turkestan autonomy (Turkiston Mukhtoriyati)]. Tashkent: Toshkent islom universiteti, 2006. 268 p. (In Russ.).
5. Aitenova B. K. Sovremennaia istoriografiia Kazakhstana o problemakh rossiiskoi kolonizatsii i natsional'no-osvoboditel'nogo dvizheniia v kazakhskoi stepi [Modern historiography of Kazakhstan on the problems of Russian colonization and the national liberation movement in the Kazakh steppe]: dissertation abstract for Candidate of Historical Sciences degree. Omsk, 2007. 22 p. (In Russ.).
6. Akkuly S. Alikhan Bukeikhan [Alikhan Bukeikhan]: v 2 t. Astana: Alash, 2016. (In Russ.).
7. Alimova D. Sovremennye paradigmy i nekotorye «bolezni rosta» istoricheskoi nauki [Modern paradigms and some “growth diseases” of historical science] // Shygys/Orient. 2005. № 2. P. 3–10. (In Russ.).
8. Alimova D. A. O nekotorykh «bolezniakh rosta» v izuchenii istorii Uzbekistana // Novaia istoriia Tsentral'noi Azii. Pereotsenka istorii, sovremennye problemy i podkhody. Tashkent, 2004. P. 73–84. (In Russ.).

9. Baidildeev Zh. Kyrgyz-kazak intelligentsiiasynyn bailanyshтары (XX k. bashy) [Relations of the Kyrgyz-Kazakh intelligentsia (early XXth century)]. Bishkek: Maksprint, 2015. 172 p. (In Kyrgyz).
10. Bokeikhanov A. Shugarmalar [Essays]. Almaty: Kazakhstan, 1994. 384 p. (In Kazakh).
11. Gafarov N. U. Dzhadidizm v Srednei Azii v kontse XIX – nachale XX v.: dissertation abstract for Doctor of Historical Sciences degree. Dushanbe, 2014. 46 p. (In Russ.).
12. Zhugenbaeva G. Mukhamedzhan Tynyshpaev i pravitel'stvo Kolchaka // Mysl'. 1998. № 9. P. 83–88. (In Russ.).
13. Istoriiia obshchestvenno-kul'turnogo reformatorstva na Kavkaze i v Tsentral'noi Azii (XIX – nachalo XX veka) [The history of socio-cultural reform in the Caucasus and Central Asia (XIX-early XX century)] / otv. red.: D. Alimova, I. Bagirova. Samarkand: MITsAI, 2012. 335 p. (In Russ.).
14. Kadyrov Sh. «Natsiia» plemen: etnicheskie istoki, transformatsiia, perspektivy gosudarstvennosti v Turkmenistane [A “nation” of tribes. Ethnic origins, transformation, prospects of statehood in Turkmenistan]. Moscow: [B. i.], 2003. 363 p. (In Russ.).
15. Koigel'diev M. Alash. V putakh dogm [Alash. In the fetters of dogmas] // Zaria. 1990. № 8. P. 4–6; № 9. P. 6–8. (In Russ.).
16. Kubatova A. E. Dzhadidizm v Kyrgyzstane: istoricheskaiia tsennost' ikh naslediiia v proshlom i sovremennosti [Jadidism in Kyrgyzstan: the historical value of their heritage in the past and present]. Bishkek, 2020. 24 p. (Universitet Tsentral'noi Azii. Vysshaia shkola razvitiia. Otdel kul'turnogo naslediiia i gumanitarnykh nauk. Nauchnyi doklad № 6). (In Russ.).
17. Kul-Mukhammed M. Akpaev Zhakyp. Patriot. Politik. Pravoved: politiko-pravovye vzgliady Zh. Akpaeva [Akbaev Zhakyp. Patriot. Politician. Jurist: political and legal views of J. Akbaeva]. Almaty: Atamyra, 1995. 240 p. (In Russ.).
18. Kurmanov Z. K. Bor'ba politicheskikh elit Kyrgyzstana v period vozrozhdeniia natsional'noi gosudarstvennosti kyrgyzskogo naroda: (1917–1927 gg.): dissertation abstract for Doctor of Historical Sciences degree. Bishkek, 1997. 48 p. (In Russ.).
19. Mazhitov R. Zhakhansha Dosmukhamedov [Zhakhansha Dosmukhamedov]. Almaty: Arys, 2007. 216 p. (In Russ.).
20. Mnogolikaia Klio: boi za istoriiu na postsovetском prostranstve [The many-faced Clio: the battles for history in the post-Soviet space] / V. A. Shnirel'man [i dr.]; In-t im. Georga Ekkerta po mezhdunar. issled. shkol'nykh uchebnikov. Berlin: Logos, 2010. 142 p. (In Russ.).
21. Natsionalizm v mirovoi istorii [Nationalism in world history] / Rossiiskaia akad. nauk, In-t etnologii i antropologii im. N. N. Miklukho-Maklaia; pod red. V. A. Tishkova, V. A. Shnirel'mana. Moscow: Nauka, 2007. 601 p. (In Russ.).
22. Nurpeisov K. Alash kham Alashorda [Alash and Alashorda]. Almaty: Atatek, 1995. 256 p. (In Kazakh).
23. Nurpeisov K. Khalel Dosmukhamedov: gosudarstvennyi deiatel', uchenyi-entsiklopedist, pedagog [Khalel Dosmukhamedov: statesman, encyclopedic scientist, teacher] // Mysl'. 1998. № 2. P. 84–87. (In Russ.).
24. Polvonov N. Istoriiia sotsial'nykh dvizhenii i politicheskikh partii Khorezma (1900–1924) [History of social movements and political parties of Khorezm (1900–1924)]. Tashkent: Akademnashr, 2011. 120 p. (In Russ.).
25. Salamov Sh. N. Turkestan i Iuzhnyi Kavkaz XIX–XX vv. Dashnaki ot Fergany do Karabakha [Turkestan and the South Caucasus of the XIX–XX centuries. Dashnaks from Fergana to Karabakh]. Tashkent: Iangi asr avlodi, 2015. 304 p. (In Russ.).

26. Turkestan v nachale XX veka: k istorii istokov natsional'noi nezavisimosti [Turkestan at the beginning of the XX century: towards the history of the origins of national independence]: [monografiia / R. M. Abdullaev i dr.; nauch. red. R. Ia. Radzhapova]; Akad. nauk Resp. Uzbekistan. In-t istorii. Tashkent: Shark, 2000. 672 p. (In Russ.).

27. Khasanov M. Al'ternativa. Iz istorii Kokandskoi avtonomii [An alternative. From the history of Kokand autonomy] // Zvezda Vostoka. 1990. № 7. P. 105–120. (In Russ.).

28. Shats E. Rol' gosudarstva v ustoichivosti rodovykh svyazei v Kazakhstane [The role of the state in the stability of family ties in Kazakhstan] // Kazakhstan i Rossiia: obshchestva i gosudarstva. Moscow: Prava cheloveka, 2004. P. 114–132. (In Russ.).

29. Shnirel'man V. A. Voiny pamiaty: mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e [Memory wars: myths, identity and politics in Transcaucasia]. Moscow: Akademkniga, 2003. 591 p. (In Russ.).